

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

“ТРЕТИЙ РИМ” ИЛИ “ДОМ ПРЕЧИСТОЙ”?

Киевская Русь и Московская Русь – две разных страны. Разная территория. Совершенно непохожий государственный строй. Несопоставимые погодные условия. В первом случае – близость к Византийской высокой культуре, полные сундуки серебра, приходящего от великолепных урожаев, торговли, транзитных пошлин, да ещё плодородные равнины, которые не прокормят только ленивого. Во втором – бедный лесной угол, очень слабая торговля, скудные почвы, постоянный недород, бедность хлебом, деньгами, дружинами. Киевская Русь умела мыслить масштабно, вести великие войны с соседями, распутничать и швыряться золотом. Русь Московская, зажата между Ордой и Литвой, сэкономила на всём, высокий полёт древнекиевского образованного класса долгое время был ей недоступен. О великом ли думать, когда следует готовить дань татарам, организовывать отпор Литве, и из того, что осталось, выгадывать микроскопическую трапезу?

Между Киевом и Москвой – провал умственного ничтожества. Ранняя Москва – умственная пустыня. И лишь собрав силы, сосредоточив Русь вокруг себя, Москва зрелая, могучая, позволила себе умственную изощённость. Очень поздно.

Очень, очень поздно.

Зато с каким великолепием...

1.

В ту давнюю пору, когда митрополит Иларион создавал “Слово о Законе и Благодати”, Русь умела мыслить себя как значимую часть безбрежной христианской цивилизации.

С раздроблением Древнекиевского государства генерализующая сила русской исторической мысли ослабела. Самая чёрная эра в судьбах Руси – от Батыевой рати до поля Куликова – была не только годами разорения, унижения, распада, но ещё и веком великой немоты. Дар возвышать мысль над обыденностью отнялся, как живое слово отбирается страхом у насмерть испуганного человека. Мышцы ума чудовищно атрофировались... Способность осознать общерусское единство и встраивать его интеллектуально в симфонию мирового христианства как будто погрузилась в дрему и не покидала царства снов ни при Михаиле Тверском, ни при Иване Калите, ни при Иване Красном.

Время от времени, вспышками, она пробуждалась. Так, память о великой победе на поле Куликовом родила эпическую поэму “Задонщина”.

По словам академика Д. С. Лихачёва, "... во второй половине XIV и в начале XV в. Москва неустанно занята возрождением всего политического и церковного наследия древнего Владимира. В Москву перевозятся владимирские святыни, становящиеся отныне главными святынями Москвы. В Москву же переходят и те политические идеи, которыми в своё время руководствовалась великокняжеская власть во Владимире. И эта преемственность политической мысли оказалась и действенной, и значительной, подчинив политику московских князей единой идее и поставив ей дальновидные цели, осуществить которые в полной мере удалось Москве только во второй половине XVII в. Идеей этой была идея "киевского наследства". После Тохтамышева разгрома и особенно в годы осторожного правления Василия I величественная концепция "киевского наследства", вероятно, имела над умами московских книжников и московских политиков лишь призрачную власть мечты, оживляющей руинированный ландшафт. Но поэт мог согреть ею измученные сердца русских людей. И вот автор "Задонщины" вещает: "Князь великий Дмитрий Иванович с своим братом, с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Ведомо нам, брате, что у быстрого Дону царь Мамай пришёл на Русскую землю, а идёт к нам в Залесскую землю. Пойдём, брате, в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь Православная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Днепра, и посмотрим по всей земли Русской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя – поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле* одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля сидит невесела, а от Калкския** рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи: князи и бояря, и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатства, жены и дети, и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Русскую и за веру христианскую..."

Снидемся, братия и друзи, и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий..."

Автор "Задонщины" протягивает нить исторической памяти между Москвой и Киевом, между исходом XIV века и домонгольскими временами, между Северо-Восточной Русью и ветхозаветным делением земли на "жребии" сынов Ноевых. Иными словами, из его повествования видно: заканчивается эпоха, когда книжные люди Руси не могли оторвать взгляда от земли, от непосредственного окружения, от своего клочка лесистой равнины и воспарить мыслью высоко над странами и народами, и увидеть себя, свой город, свою державу в общем узоре ойкумены.

Русь понемногу начинает вновь мыслить себя как нечто, способное претендовать на серьёзную роль во всемирно-христианской мистерии. Ей возвращается способность увидеть и оценить себя со стороны, с высоты птичьего полёта. Эта способность набирает силу и концентрируется в Москве времён Ивана Великого. Москва, прежняя лесная глушечка, впервые получает силу создать собственный миф – устойчивый образ, через призму коего ближние и дальние соседи будут воспринимать Великий город.

2.

Когда Москва оказалась столицей объединённой Руси, её государи стали смотреть и на главный город своей державы, и на самих себя совершенно иначе. Иван III величал себя "государем всея Руси", чего прежде не водилось на раздробленных русских землях. При нём введены были в дворцовый обиход пышные византийские ритуалы: вместе с Софией Палеолог в Московское государство приехали знатные люди, помнившие закатное ромейское великолепие и научившие ему подданных Ивана III. Великий князь завёл печать с коронованным двуглавым орлом и всадником, поражающим змея.

На рубеже XV и XVI столетий появилось "Сказание о князьях Владимирских" – похвала и оправдание единовластному правлению великих князей

* На реке Каяле половцы разгромили войско новгород-северского князя Игоря Святославовича. И половцы в данном случае ассоциируются с татарами как их предшественники – степные враги Руси.

** На реке Калке в 1223 году монголо-татары нанесли поражение коалиции русских князей.

московских. “Сказание” вошло в русские летописи и получило в Московском государстве большую популярность. В нём история Московского княжеского дома связана с римским императором Августом: некий легендарный родственник Августа, Прус, был послан править северными землями Империи – на берега Вислы. Позднее потомок Пруса, Рюрик, был приглашён новгородцами на княжение, а от него уже пошёл правящий род князей земли Русской. Следовательно, московские Рюриковичи, те же Иван III и его сын Василий III, являются отдалёнными потомками римских императоров, и власть их освящена древней традицией престолонаследия.

Простота сущая? Да. Неправдоподобно? Да. Но ровно та же простота, ровно то же неправдоподобие, каким поклонились и многие династии Европы. Скандинавы свои роды королевские выводили аж от языческих богов! По сравнению с ними наш российский Прус – образец скромности и здравомыслия. Ну, да, от императоров. Ну, да, право имеем. Ну, да – подтвердит нечем. Но у нас – сила. Желающие могут с нею поспорить... хотя бы о Прусе. Пожалуйста. Мощь Москвы времён Ивана Великого позволяла завести хоть дюжину прусов – заводя с юной Россией связи, стоило остеречься поносных слов о подобных персонажах... В ответ “московит” мог привести совсем не тот аргумент, что отыскивается на пергаменных страницах летописей, а тот, что ходит под стягами полковыми.

По тем временам родство от Августа – идеологически сильная конструкция. Пусть и нагло, вызывающе сказочная. Более того, даже хорошо, что сказочная. Дерзость приличествует государственной силе.

Далее, как утверждает “Сказание”, византийский император Константин IX Мономах прислал великому князю киевскому Владимиру Мономаху царские регалии: диадему, венец, золотую цепь, сердоликовую шкатулку (чашу?) самого императора Августа, “крест Животворящего Древа” и “порамницу царскую” (бармы). Отсюда делался вывод: “Таковому дарованию не от человек, а Божиим неизреченным судьбам претворяюще и переводяще славу Греческого царства на Российского царя. Венчан же бысть тогда в Киеве тем царским венцем во святей великой соборной и апостольской Церкви от святейшаго Неофита, митрополита Эфесского... И оттоле боговенчаный царь нарицашеся в Российском царствии”. В годы, когда Киевская Русь пребывала под рукой князя Владимира, Византией правил Алексей I Комнин, а Константин Мономах скончался ещё в середине XI века. Поэтому вся легенда о византийском даре ныне ставится под сомнение.

Оправданно ли?

Отзвук каких-то реальных событий, связанных с внешней политикой великого князя киевского Владимира Всеволодовича, мог в источниках сохраниться и получить своеобразную трактовку в эпоху Московского царства.

Во-первых, Владимир Мономах, происходящий по материнской линии от византийского императора Константина IX Мономаха, имел шанс унаследовать от матери какие-то предметы, ранее принадлежавшие византийскому правителю (пресловутую “сердоликовую шкатулку”, например, – уж очень это знаковый предмет, не напрасно он запомнился).

Во-вторых, князь мог получить в виде дара от Алексея I Комнина некий высокий титул или же драгоценные вещи (в том числе и венец) из императорской казны. А может быть, церковные реликвии. Чрезвычайно оживлённые и не всегда мирные связи между Киевской Русью и Византией в эпоху Владимира Мономаха – неоспоримый факт. Дары подобного рода Византия рассылала щедро, не исключая и венцов, притом некоторые из них дошли до наших дней. Отчего ж не отправить их на Русь? В подобном деянии византийской дипломатии нет ничего невозможного.

Сейчас, конечно, невозможно с точностью определить, какие именно регалии получил Владимир Мономах, да и случилось ли это на самом деле. Да и не настолько это важно.

Важнее другое: московский историософ XVI века перебрасывал “мостик царственности” из XII столетия в современность. Тогда правитель Руси уже имел царское звание? Превосходно! Следовательно, нынешним государям России уместно возобновить царский титул – что и произойдёт в 1547 году. Идея царства, царской власти медленнее, но верно пускала корни в русской почве. Москва начала примерять венец царственного города задолго до того, как сделалась “Порфириноносной” в действительности.

3.

Великокняжеские игры с генеалогией намного уступали по смелости, масштабности и глубине тому, что высказали церковные интеллектуалы. Государь обзавелся официальной исторической легендой о собственной династии. Им... хватило.

Но Церковь мыслила на два-три шага дальше.

Учёные монахи-иосифляне первыми начали понимать: Московская Русь – уже не задворки христианского мира. Отныне ей и воспринимать себя следует иначе.

Незадолго перед тем произошли события, ошеломительные и для Русской Церкви, и для всех образованных людей нашего Отечества, и для политической элиты Руси. Во-первых, благочестивые греки “оскоромились”, договорившись с папским престолом об унии в обмен на военную помощь против турок. И митрополит Исидор – пришедший на Московскую кафедру грек, активный сторонник унии, – попытавшись переменить религиозную жизнь Руси, очутился под арестом, а потом едва унёс ноги из страны. Во-вторых, Русская Церковь стала автокефальной, то есть независимой от Византии. В-третьих, в 1453 году пал Константинополь, казавшийся незыблемым центром Православной цивилизации. И всё это – на протяжении каких-то полутора десятилетий. А затем, до начала XVI столетия, государь Иван III превратил крошечное удельной Руси в Московское государство – огромное, сильное, небывалое по своему устройству.

После падения Константинополя в Москве, пусть и не сразу, вспомнили таинственные предсказания, издавна приписывавшиеся двум великим людям: Мефодию, епископу Патарскому, и византийскому императору Льву VI Премудрому, философу и законодателю. Первый погиб мученической смертью в IV веке, второй царствовал в конце IX – начале X столетия. Традиция вкладывала им в уста мрачные пророчества. Христианство, “благочестивый Израиль”, незадолго до прихода Антихриста потерпит поражение в борьбе с родом Измаиловым. Племена измаильтян возобладают и захватят землю христиан. Тогда воцарится беззаконие. Однако потом явится некий благочестивый царь, который победит измаильтян, и вера Христова вновь воссияет. С особым вниманием наши книжники вглядывались в слова, где будущее торжество приписывалось не кому-то, а “роду русему”.

После 1453 года московские церковные интеллектуалы постепенно приходят к выводу: Константинополь пал – свершилась часть древних пророчеств; но и вторая часть свершится: “Русский род с союзниками (причастниками)... всего Измаила победит и сedyмохолмый [град] примет с прежними законами его и в нём воцарится”. А значит, когда-нибудь Москва придёт со своими православными полками на турок, разобьёт их и освободит от “измаильтян” Константинополь.

Из медленного, но неотвратимого осознания какой-то высокой роли Москвы в искаленном, истекающем кровью мире восточного христианства, из очарования волнующими откровениями тысячелетней давности родился целый “веер” идей, объясняющих судьбу новорождённой державы и её стольного града. Чудесное превращение Московского княжества в единое общерусское государство вызвало у “книжных” людей того времени рассуждения не только о корнях и особой миссии московского княжеского дома. Они мыслили о смысле существования новой державы. Не напрасно же родилась такая мощь! Не напрасно милая лесная дикарка Москва неожиданно для всех оказалась в роли державной владычицы! Не напрасно вышла она из-под иноверного ига как раз в тот момент, когда прочие народы православные в него угодили!

Именно тогда появилась книга “Русский Хронограф”, составитель которой показал Русь как музыканта, получившего сольную партию в оркестре Православной цивилизации.

В исторической литературе Древней Руси было два основных жанра. Во-первых, всем известная летопись, содержащая сведения о прошлом Руси. Во-вторых, хронограф – едва ли не более популярный у современников, чем летопись, но ныне мало кому известный. Он рассказывал о прошлом всего мира.

Древнейшие русские хронографические памятники – “Хронограф по великому изложению” и другие – включали сведения из ветхозаветной истории,

евангельские сюжеты, кое-какие сведения об античных державах, а также биографию мировой христианской общины. Последняя представлялась в виде череды правлений православных монархов, но далеко не всех. В центре внимания была Византийская империя, затем Болгария и Сербия. Западные державы, в религиозном отношении подчинённые Риму, существовали там лишь в “фоновом режиме” – на задворках повествования.

Что же касается Руси, то она вообще не фигурировала в ранних хронографах. Причина проста: сведения по всемирной истории наши книжники брали из византийских и сербских источников. А для Византии и Сербии Русь была на периферии интересов, в тамошних исторических сочинениях писали о ней мало. Между тем, в отечественной исторической мысли столетиями не возникало идеи вписать свою землю и свой народ в судьбу мирового христианства. Отчасти это можно объяснить относительной молодостью Руси как христианской страны. Отчасти же наших книжников завораживал прекрасный мираж Царьграда, который долгое время воспринимался как величайший культурный центр мира. Было очень трудно осознать себя чем-то самостоятельным, пребывая в тени величественной Византии. Русь в хронографах выглядела далёким северным отблеском великой Православной цивилизации. Не более того.

Кроме того, в период ордынского ига и удельной раздробленности требовалось незаурядное умственное усилие, чтобы вообще помыслить страну как единое целое...

В свою очередь, летописцев очень мало интересовало всё, находящееся за пределами Руси. Поэтому летопись от начала удельной эпохи до восхода Московской державы несла отпечаток своего рода культурной провинциальности. Летописцы представляли судьбу Руси с необыкновенной тщательностью, но сама мысль соединить летописание и хронографию, вписать Русь как активно действующий субъект в историю Православного мира созревала крайне медленно.

Буря событий, произошедших в середине – второй половине XV века, послужила катализатором.

“Русский Хронограф” составлялся, скорее всего, в Иосифо-Волоцком монастыре между 1516 и 1522 годами. Предположительно, его творец – Досифей Топорков, племянник и ученик святого Иосифа Волоцкого. Он являлся убеждённым и весьма деятельным иосифлянином, прославился как крупный церковный писатель, великий знаток книжного слова.

Чтобы получить представление о “Русском Хронографе”, надо переплести пальцы правой и левой руки, а потом крепко сжать их. Именно так перемежаются в нем известия мировой и древнерусской истории. Собственно русские известия начинаются со времен Рюрика и первых Рюриковичей – ближе к концу памятника. Но в дальнейшем они присутствуют постоянно и в значительном объёме.

Более ранние хронографы представляют собой набор известий, без особого порядка выписанных из разных источников и собранных подобно нестройной толпе на вечевом “митинге”. “Русский Хронограф” – совсем другое дело. Досифей Топорков проводил тщательную литературную обработку статей, добиваясь единого стиля, гармоничного звучания текста.

На протяжении всего периода с начала XIII и до конца XV столетия повествование о событиях, случившихся в Северо-Восточной Руси, проходит под чередующимися заголовками: то “Великое княжение Русское”, то “Великое княжение Московское”. В начале XVI века всем ясно: ведущей политической силой на Руси является государь московский, прямой наследник древних князей владимирских, в частности, знаменитого Всеволода Большое Гнездо. Конечно, существуют ещё независимая Рязань и Литовская Русь, но Москва первенствует самым очевидным образом. Однако в неменьшей степени ясно и другое: ни в XIII столетии, ни в первые десятилетия XIV века она политическим лидером всех русских земель не была.

Таким образом, составитель хронографа показывает: история блистательного ожерелья северных русских городов была преддверием триумфа Москвы и её великих князей. В 70-х годах XV столетия, при Иване III, возник Московский летописный свод, чётко сформулировавший точку зрения государей московских на русскую историю. Он оказал столь сильное влияние на всю последующую историческую мысль России, что даже сейчас авторы учебников, не осознавая того, плывут порой по фарватеру, открытому летописцами

Ивана III... В 1495 году появился сокращённый летописный свод, уходящий корнями в этот монументальный памятник. Его-то и использовал Досифей Топорков как главный источник знаний по истории Руси.

Составитель “Русского Хронографа” скорбит о печальной судьбе других православных народов – они попали под власть турецкого султана. Столь плачевное положение – следствие кары Господней за грехи всей Православной цивилизации. Тут Досифей Топорков не делит православных на греков, сербов, болгар и так далее, оказавшихся “более грешными”, и русских, за которыми числится, как можно было бы подумать, меньшее количество прегрешений. Этого нет и в помине. Винаваты все православные. Он пишет: Господь “...не до конца положил в отчаяние благочестивые царства: если и предаёт их неверным, не милуя их, то отмщая наше прегрешение и обращая нас на покаяние. И сего ради оставляет нам семя, да не будем как Содом и не уподобимся Гоморре. Это семя яко искра в пепле – во тьме неверных властей; семя же глаголя – патриаршие, митрополичьи и епископские престолы...” Таким образом, беда греков и южных славян по сути своей – призыв к великому покаянию всех православных. И когда это произойдёт, гнев Господень сменится на милость: “Православнии же надежду имеют, что после достаточного наказания нашего согрешения вновь всемогущий Господь погребеную, яко в пепле, искру благочестия во тьме злочестивых властей возжет зело и попалят измаильтан злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестия и паки возставит благочестие и царя православныя”.

Чем же отличается Русь, не только не попавшая под иго османов, но, напротив, относительно недавно освободившаяся от власти ордынцев? Особой государственной силой? Особым благочестием? Особой чистой веры?

Досифей Топорков не заносится мыслями столь высоко, более того, он даже не пытается толковать непознаваемую сущность воли Господней, исключившей нашу страну из зоны великого наказания христианских народов. Он лишь подчёркивает сам факт: другие “благочестивые царства” – Византия, Сербия и прочие – пали, а Русь уцелела. Не вооружённой силой, а молитвой спасена. Древние православные страны “...грех ради наших Божиим попущением безбожнии турки попленили и опустошили, и покорили под свою власть. Наша же Росийская земля Божиею милостию и молитвами Пречистыя Богородицы и всех святых чудотворцев растет и младает, и возвышается. Ей же, Христе милостивый, дай же расти и младаети и разширятся и до скончания века”.

Тем самым составитель “Русского Хронографа” сообщает соотечественникам: по милости Божией мы освобождены от страшной кары и ныне обрели особенную судьбу – лучше, чем та, что выпала на долю греков и сербов. Сохранение этой особенной судьбы зависит от силы упования на любовь Божию к Руси и от молитв о благом устроении дел её Высшим Судией. Другого пути нет.

Это значит: Русь оказалась достойна не только войти в компанию великих православных царств, она получила преимущество над всеми ними.

Русь не выглядит чище, благочестивее, высоконравственнее Византии, Сербии. Болгарского царства. Нет, вовсе нет. Просто над нею сжалилась Богородица – ведь Москва мыслила себя как “Дом Пречистой Богородицы”, а главный собор города освящён был во имя Её Успения. И это небесное покровительство Пречистой, по словам Досифея Топоркова, не исчезнет “до скончания века” – до Страшного Суда.

“Русский Хронограф” был исключительно популярен на Руси. Науке известно о существовании около 130 списков (копий) этого памятника, созданных в XVI, XVII и даже XVIII столетиях! Он мощно повлиял на более поздние русские летописи и хронографы. Немудрено: именно “Русский Хронограф” вывел отечественную историческую мысль с провинциального уровня на мировой. Именно в нём Русь впервые была представлена как великая православная держава.

4.

Идеи мудрых книжников, живших при Иване Великом и его сыне Василии, напоминают зеркала. Молодая Москва, ещё не осознавая вполне своей красоты, своего величия, капризно смотрелась то в одно, то в другое, и всё никак не могла решить, где она выглядит лучше.

Самое знаменитое “зеркало”, в которое смотрелась тогда Москва, родилось из нескольких строк.

В 1492 году пересчитывалась Пасхалия на новую, восьмую тысячу лет православного летоисчисления от Сотворения мира. Разъясняющий комментарий митрополита Зосимы сопровождал это важное дело. Там об Иване III говорилось как о новом царе Константине, правящем в новом Константинове граде – Москве...

Вот первая искра.

Большое же пламя вспыхнуло в переписке старца псковского Елеазарова монастыря Филофея с государем Василием III и дьяком Мисюрем Мунехиным. Филофеем была высказана концепция Москвы как Третьего Рима. Русский ум воспринял её с ленцой. И лишь течение времени привело к тому, что он оказался растрожен её смыслом. Надо помнить и понимать: она отнюдь не имела господства над мыслями тогдашнего “образованного класса” и очень долго обреталась на периферии.

Филофей рассматривал Москву как центр мирового христианства, единственное место, где оно сохранилось в чистом, незамутнённом виде. Два прежних его центра: Рим и Константинополь – Второй Рим – пали из-за вероотступничества. Филофей писал: “...все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя по пророческим книгам, то есть Ромейское царство, поскольку два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быти”. Иначе говоря, Ромейское царство неразруσιμο, оно просто переместилось на восток и ныне Россия – новая Римская империя. Василия III Филофей именует царём “христиан всей поднебесной”. В этой новой чистоте России предстоит возвыситься, когда государи её “урядят” страну, установив правление справедливое, милосердное, основанное на христианских заповедях. Но более всего Филофей беспокоится не о правах московских правителей на политическое первенство во вселенной христианства, а о сохранении веры в неиспорченном виде, о сбережении последнего средоточия истинного христианства. Его “неразрушимое Ромейское царство” – скорее духовная сущность, нежели государство в привычном значении слова. Роль московского государя в этом контексте – в первую очередь, роль хранителя веры. Справятся ли они со столь тяжкой задачей?

По словам историка средневековой русской литературы А. М. Ранчина, у Филофея “...Москва является последним Римом, потому что приблизились последние времена, в преддверии которых число приверженцев истинной веры, согласно Откровению святого Иоанна Богослова, уменьшится. Именно поэтому эстафета передачи метаисторического Ромейского царства уже завершена. Но неизвестно, удастся ли и Москве – Третьему Риму – исполнить свою миссию, своё оправдание перед Богом”. Филофей, таким образом, вовсе не поёт торжественных гимнов молодой державе, он полон тревоги: такая ответственность свалилась на Москву!

Идея Москвы как Третьего Рима долго не получала широкого распространения. Слова, сказанные в “Русском Хронографе”, завоевали признание у русских “книжников” быстро и прочно. А вот рассуждения Филофея были не столь известны.

Лишь во второй половине XVI века их начинают воспринимать как нечто глубоко родственное московскому государственному строю.

Так, они проникли в величественное сказание о борьбе Москвы с осколками Орды – “Историю о Казанском царстве”.

Когда повествователь доходит до победы, одержанной Москвою на Угре, и до запустения Большой Орды, он поёт хвалу великому городу, связывая его с иными древними столицами христианских держав. “И тогда великая наша Русская земля освободилась от ярма... и начала обновляться, как бы от зимы на тихую весну прилагаться. И взошла вновь к древнему своему величию и доброте, и благолепию. Как прежде, при великом князе при Владимире преславном, дал ей премилостивый Христос расти, как младенцу, и увеличиваться, и расширяться, и скоро прийти в возраст совершенлетия... И воссиял ныне стольный преславный град Москва, второй Киев. Не усрамлюсь... назвать её и Третий новый великий Рим. Просияв в последние лета яко великое солнце в великой нашей Русской земле, во всех градах... и во всех людех страны сея, красуйся и просвещайся святыми многими церквами... яко... небо светится пёстрыми звёздами, утверждённый Православием незыблемо от злых еретиков, возмущающих Церковь Божию!”

При утверждении в Москве патриаршества была составлена “Уложенная грамота”. Писавшие её московские книжники вложили в уста Патриарха Иеремию похвалу царю Фёдору Ивановичу: “Твое... благочестивый царю, Великое Российское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивое царствие в твое воедино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуешишь во всей вселенной, во всех христианах...”

Конечно, и сам Иеремия, и всё греческое священноначалие Православного Востока едва-едва познакомились с московской историософией; вряд ли они разделяли такой взгляд на Москву и Россию; но, во всяком случае, наши интеллектуалы приписали греку идею Москвы – Третьего Рима как нечто, само собой разумеющееся.

5.

Выше говорилось о “веере” идей...

Вот ещё одна его “лопасть”.

В допетровской России любили сравнивать Москву с Иерусалимом. Русские книжники и русские власти были твёрдо уверены: новая русская столица переняла особенную божественную благодать от Иерусалима, который был ею прежде щедро наделён, но впоследствии утратил. Теперь Москва – город городов, огромная чаша, где плещется эта благодать.

Историк искусства А. М. Лидов говорил по этому поводу: “Идея о схождении Горнего града, в котором праведники обретут вечную жизнь и спасение, присутствует и в иудаизме, и в исламе. Однако в христианстве она приобрела совершенно особое, исключительно важное звучание – это в некотором смысле основа христианского сознания: обетование и ожидание Нового Иерусалима как конец пути и обретение счастья, гармонии, торжества справедливости. С этой идеей связана традиция перенесения образов Святой земли, попытки воспроизвести то особое сакральное пространство, в котором должно произойти сошествие Небесного града”. Так вот, в Москве желали уподобления Иерусалиму идеальному, образу Небесного Града, запечатлённому в Иерусалиме “ветхом”, историческом, но лишённому там должного вероисповедного наполнения. Достигнув такого уподобления, став совершенной христианской державой, Россия с Москвой в сердце слилась бы, по представлениям книжников того времени, с небесным прообразом Иерусалима.

Москву уподобляют Иерусалиму в летописях XV века. Святому Петру-митрополиту приписывают пророчество, согласно которому Москва в будущем “наречётся Вторым Иерусалимом”.

Но чаще всего Москву ведут по пути воиерусалимливания усилия зодчих.

Так, в середине XVI века Кремль украшается храмом Воскресения Христова – по имени центральной иерусалимской святыни христиан.

Образ Второго Иерусалима, города со множеством светлых храмов, отразился в особенном, необычном облике Троицкого храма, что на рву – его позднее назвали Покровским собором и собором Василия Блаженного.

На рубеже XVI и XVII веков Борис Годунов задумывает уподобить Московский кремль Иерусалиму, но смерть лишает его возможности довершить начатое.

В середине XVII столетия патриарх Никон выстроил под Москвой величественный Новоиерусалимский монастырь, все главные постройки которого символизируют места и здания в Иерусалиме-первом, связанные с евангельской историей.

Прежде всего, Никон начал возводить подобие Иерусалимского храма Гроба Господня или, иначе, храма Воскресения Господня. Каждая постройка, каждая деталь оформления новой обители соответствовали реалиям пребывания Иисуса Христа в Иерусалиме и расположению иерусалимских святынь – как его представляли себе в России XVII столетия. В соборе воспроизведены священные подобию горы Голгофы, “пещеры” Гроба Господня, места трёхдневного погребения и Воскресения Христа. Новоиерусалимский Воскресенский собор строился по разборной модели храма Гроба Господня из кипариса, слоновой кости и перламутра. Её доставил в Москву Патриарх Иерусалимский Паисий. А иеромонах Арсений специально произвёл обмеры храма в Иерусалиме. Однако Новоиерусалимская церковь отнюдь не стала точной копией храма Гроба Господня. Она не являлась таковой даже в планах. В конце концов, храм Гроба Господня представляет собой хаотичное наслоение разновремен-

ных зданий и пристроек. Возводя свою “версию”, наши зодчие приспособляли архитектурные формы всемирно известной постройки к русским обычаям, улучшали, модернизировали, добивались единства стиля. Подмосковный собор должен был выглядеть лучше “протографа”. В эстетическом смысле он действительно имеет гораздо большую ценность.

Вся местность вокруг обители наполнилась евангельской символикой. Холм, на котором воздвигали собор, называли Сионом, а соседние холмы – Елеоном и Фавором. Ближайшие сёла обрели названия Назарет и Капернаум. Даже подмосковная речка Истра – там, где она протекала по монастырским владениям, – стала именоваться Иорданом. А ручей, обтекающий монастырский холм, превратился в Кедронский поток.

В создании Новоиерусалимской обители отразилась идея, близкая московским интеллектуалам ещё с рубежа XV–XVI столетий, со времён Ивана III: действительная сила Православного мира постепенно уходит от греческого священноначалия и сосредоточивается в Москве.

Многочисленные греческие патриархи, митрополиты и прочие архиереи обладают превосходными библиотеками, умирающей, но всё ещё сносной системой училищ и большим духовным авторитетом. Однако они пребывают под гнётом турок-османов, поддаются влиянию Римско-католической Церкви, они просто очень бедны, наконец. А Москва богата и независима. Москва спасает греческих архиереев и греческие монастыри от нищеты. Центр православного мира должен переместиться сюда! Соответствующая “великая идея”, или, вернее, целая интеллектуальная программа, получила выражение в камне. Новый Иерусалим под Москвой – символический перенос духовного центра православия на новое место. Он словно извещал весь Православный Восток: благодать отошла от древних городов и ныне почивает на землях московских!

6.

Имелся во всей этой историософии один изъян.

Русский паломник шёл в Царьград или на Святую землю, томимый жадой облобызать древние святыни, помолиться у чудотворных икон, отстоять службы в храмах, которые старше самой Руси. Тамошние власти его интересовали очень мало. Что такое император византийский в XIV веке? Фигура слабая, небогатая, великому князю московскому не чета. А уж в XV веке и сравнения быть не может! Слишком оно, это сравнение, окажется не в пользу рассеивающегося цареградского миража. А вот святыни – это серьёзно: их сила и слава не ослабевают.

В понимании нашего церковного мудреца, Москва как новый Рим или новый Иерусалим должна была превратиться в такое же скопище святынь, как столица василевсов и столица древнего Израиля. Станет она такую – чего ж ещё желать? Теперь и ездить не надо в такую даль – всё будет под боком!

Подобное понимание в каком-то смысле абсурдно. Нынешний Лондон большинству наших школьников становится известен по знаменитому тексту, где сказано, что сей город – The Capital of The Great Britain, средоточие контрастов и обиталище Тауэра, Биг-Бена, Трафальгарской площади. Допустим, кто-то назовёт Москву “новым Лондоном”. Сам того не понимая, он попытается произвести в умах миллионов людей, когда-то проходивших оный текст, странную метаморфозу. “А что, Тауэр и Биг-Бен к нам тоже перенесут?”

Умы сопротивляются...

Вот и в XVI веке коллективный разум русского интеллектуалитета, как видно, гордясь новой ролью Москвы, отчего-то... противился ей. Третий Рим? Второй Иерусалим? Отчего ж, красиво! Но как-то не на первом месте.

7.

В 1560-х годах возникает грандиозный памятник богословско-исторической мысли – Степенная книга. Там русская история изложена по “граням” (степеням) “царского родословия” – от правителя к правителю. Россия показана как Новый Израиль, а подданные московского государя – как народ богоизбранный, который когда-нибудь освободит Константинополь, низвергнув силу ислама.

Степенная книга – венец размышления Москвы о себе. То, что в ней сказано, определит будущий московский миф надолго. Известно полторы сотни

рукописных копий её! Это при поистине титаническом объёме... Степенную книгу почитали в допетровской России. Её, конечно, дописывали, развивали, кое в чём исправляли, но прежде всего – именно почитали, обращались к ней как к истине, соединившей правду веры и правду действительных исторических событий.

Что в ней такое Москва?

Прежде всего, оплот царственности.

Церковные интеллектуалы, составлявшие Степенную книгу, чётко провели идею “трансляции царства”. Иными словами, перехода центра державности русской с течением времени от одного города к другому. В самом начале эта идея высказана с полной ясностью: “От Рюрика начаса державство в Новеграде. От Игоря же сына его – в Киеве и до Всеволода Юрьевича державствоваху; от них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии; и сами гречестии царие вси повиновахуся им; Угрове и Чахи, и Ляхи, и Ятвяги, и Литва, и Немцы, и Чюдь, и Корела, и Устюг, и обои Болгары, Буртасы и Черкассы, Мордва и Черемиса, и сами Половцы дань даяху и мосты мостяху; Литва же тогда бояхуся и из лесов выницати... От Всеволода же Юрьевича и до Данила Александровича в Владимери державствоваху. От Данила же на Москве Богом утверждено бысть царствие русских государей”.

Москва как крепость – дитя Суздалья. Она стояла на страже Суздальской земли, она облеклась в одеяние из прочных стен и высоких башен по воле Юрия Долгорукого, государя суздальского. Но Москва как царственный город, как Порфиригенита – дочь Владимира и от него приняла венец державного первенства.

Степенная книга с большим разбором называет кое-кого из правителей Руси “самодержцами”: Владимира Святого – да. Всеволода Ярославича – да. Святослава Ярославича – нет. Святополка Изяславича – нет. Юрия Долгорукого – нет. А вот его отца Владимира Мономаха – да. И далее, после Юрия Долгорукого, – самых достойных из рода Владимира Мономаха, к которому принадлежал, кстати, и Московский княжеский дом.

Всеволода Большое Гнездо Степенная книга твёрдо именует “самодержцем всей Русской земли”. Он правит “скипетром Русского царствия”. Он завещает наследникам “Владимирское скипетродержавие”. Но уже и об Андрее Боголюбском сказано, что он самодержавствовал “... в Суждальской земле, в преименитом граде Владимире”.

Даниил Московский, родоначальник московского княжеского семейства, предстает как человек, избранный Богом для особого служения: “Сего блаженного великого князя Данила храняй Господь от пелен матерних... Сего блаженного Данила избра Бог и возрасти и снабде нератуема ни от кого же; ему же и поручено бысть в наследие богоснабдимое державство преименитого града Москвы, его же и праведное семя возлюби Бог и прослави, наипаче же благоволи царствовати в роды и роды”.

А великого князя Василия III Степенная книга прямо именует “царем”. Хотя и иносказательно, как “царя над страстями”, но всё же именно царя, – пусть формально, по титулу, но пока ещё бывшего великим князем.

Чего же больше в Степенной книге? Глядясь в зеркала истории, видит ли Москва себя в одеяниях Третьего Рима? Или, может быть, Второго Иерусалима?

По капельке в Степенной книге можно отыскать и то, и другое. Но над всем этими “капельками” преобладает ливень совершённого другого мифа. А именно того, который уходил корнями в древнерусскую реальность, а не в византийскую. Родное возобладало.

Что такое Новгород Великий? Дом Святой Софии.

Что такое Псков? Дом Святой Троицы.

Что такое Тверь? Дом Святого Спаса.

В эпоху удельной старины всякая земля выбирала себе небесное покровительство и выражала его в освящении главного храма всей области. А потом держалась за это покровительство с необыкновенной цепкостью.

К Москве “царственность” перешла от Владимира. А Владимир имел небесной покровительницей Пречистую Богородицу. Степенная книга проводит эту мысль без малейшего сомнения, без малейшей оговорки. Собственно, вся “царственность” самого Владимира началась с “путешествия” Пречистой из Киевской земли в дальний лесной край, на Клязьму. После рассказа о смерти Юрия Долгорукого и о последовавшей за нею междоусобной борьбе

за Киев, сказано: “Начало Владимирского самодержавства: уже тогда киевские великие князи подручни были владимирским самодержцам. Во град ибо Владимир тогда начальство утвержашеся пришествием чудотворного образа Богоматери. С ним же прииде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и державствова”. Андрей Боголюбский, действительно, привёз с Киевщины чудотворную икону Богородицы. Для московского “книжника” середины XVI века ясно без комментариев: с иконой-то утекла оттуда и вся державная сила. Ушедшая икона явилась знаком возобладания Севера над Югом.

Для Москвы времён Ивана Калиты покровительство Пречистой – дело очевидное. Оно связано с личностью Св. Петра-митрополита. Святитель когда-то, задолго до восхождения на степень главы Русской Церкви, написал образ Богородицы и удостоился особых милостей от Неё.

Да и похоронен Пётр в храме Успения Пречистой – то есть в месте, которое освящено во имя его небесной покровительницы. О строительстве храма он сам попросил Ивана Калиту: “Если меня, сыну, послушаешь и храм Пречистой Богородицы воздвигнешь во своем граде, и сам прославишься паче иных князей, и сыновья твои, и внуки из поколения в поколение. И град прославлен будет во всех градах русских, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плеча враг его, и прославится Бог в нем”.

Чего ж яснее?

Главный храм Москвы, а вместе с тем и всей области Московской, – Успенский, тот, что возник на древнем Боровицком холме. А значит, *Москва – Дом Пречистой*.

Русский Хронограф за полстолетия до Степенной книги объявил об этом небесном покровительстве. Составители же Степенной книги развили идею Досифея Топоркова до совершенства. Они множили и множили примеры нерасторжимой связи между Царицей Небесной и царственным градом. Для читателя эта связь подана как нечто само собой разумеющееся.

В 1380 году Дмитрий Иванович, собираясь на Мамаю, долго молился именно Пречистой, у Неё просил помощи даже более, чем у самого Господа. Проходя через Коломну, он опять вознёс моление в Богородичной церкви.

В 1395 году именно заступничество Пречистой, произошедшее через её чудотворную икону, привезённую в Москву, воспринималось как причина скорого ухода Тамерлановых орд из страны. Степенная книга прямо сообщает: Богородица “устршила” завоевателя и тем дала “избавление” Руси от его нашествия.

Время Василия I вообще наполнено постоянным “диалогом” со Святой Заступницей.

Под 1403 или 1404 годом летописи сообщают о небесном знамении – трение солнечного диска. Оттуда известие перекечовало в Степенную книгу. Четырьмя годами позднее в Москве замечают чудесное исхождение мирра от Богородичной иконы, доставленной митрополитом Пименом из Константинополя. В Степенной книге делается вывод: “Это Всесильный Бог Своєю... божественною святыею и многими чудесными знаменьями всюду прославляя Свое Трисвятое имя Отца и Сына, и Святого Духа, наипаче же снабдевая Свое святое избранное достояние великия державы, иже на Москве всего Российскаго царствия, в нем же утверждая непоколебимо истинное благочестие и всяческих еретических смущений невреждо соблюдая и от находящих врагов всячески защищая и от всяких бед милосердно избавляя и на супротивныя победы даруя”. Ещё шесть лет спустя в Можайске был обретён чудотворный образ Богородицы Колоцкой. Чуть ранее на Пахре Богородичная икона источила кровь...

В 1480 году, после победоносного “стояния на Угре”, Москва устанавливает ежегодный крестный ход на 23 июня – во имя и в благодарение Пречистой Богородице.

Весной 1547 года Москва терпит страшный урон от большого пожара. Когда Владимирскую икону Пречистой пытаются вынести из Успенского собора, она не двигается с места. Более того, она оказывает спасительное воздействие от бушующего пламени. Степенная книга объясняет: “Ибо сама Богомати сохраняя... и соблюдая не токмо Свой пресвятыи образ и всю Церковь, но и всего мира покрывая и защищая от всякого зла”.

Чрез иконы Пречистой Москве по всякий важный случай бывают знаменья и чудеса; Богородица как будто водительствоует своей землей...

Для образованного русского наших дней, если он придерживается русской же культурной почвы, мысли о Москве как *Третьем Риме* и *Втором Иерусалиме* драгоценны. Коренная, святая, хлебная, державная Русь пребывает в тесном родстве с ними. И в них же часто видят суть того восприятия Москвы самой себя, всей Россией, да и соседями, которое сформулировали наши “книжники”.

Но нет, нет! Правды тут никакой. Эти идеи когда-то будоражили умы старомосковского общества. Они нравились то больше, то меньше, ими играли, их ценили, к ним относились с уважением. А всё же... первенство оставалось отнюдь не за ними.

Суть первого и самого сильного московского мифа совершенно другая. Москва, прежде всего, – Дом Пречистой Богородицы, а уж потом *Третий Рим* и далее по списку. Без Небесной Заступницы не было бы и не будет в Великом городе никакой “царственности”. Всё – от Неё. Всё – через Неё. Прочее же – прекрасное умствование.